

Осмысление темы изгнания в лирике испанской эмиграции в Лондоне (1823–1834)

Новикова Наталия Кирилловна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Творчество писателей, эмигрировавших в Англию после оккупации Испании французскими войсками и падения конституционного режима, традиционно связывают с проблемой становления в Испании романтизма. С точки зрения исследователя испанского романтизма Рикардо Наваса-Руиса, благодаря контактам с Англией и Францией такие неоклассицисты, как герцог Ривас, Мартинес де ла Роса, Алькала Галиано, сам Эспронседа стали романтиками. Становление в новом качестве связывается с освобождением от клишированного словаря топосов и формул, с обретением языка, такого же индивидуального и подлинного, как психологический и интеллектуальный опыт, который он должен был выразить. В этом отношении наибольший интерес представляют «изгнаннические» стихотворения Анхеля де Сааведра, графа Риваса и Хосе де Эспронседа, а также Хосе Марии (Джозефа) Бланко Уайта, чей изгнаннический опыт отличался от опыта его более молодых соотечественников.

По мнению исследователей, поэтика Риваса и Эспронседы этого периода – пример того, как подлинное чувство окрашивает общепринятые формулы, которые были привиты классицистическим образованием [Lloréns: 211–212, 219–220; Alborg: 301, 461]: тираноборческие инвективы, оплакивание утраченной Испании, изображаемой наподобие идиллической Аркадии, описание холодной Англии, населенной пастухами и мудрецами эклог и буколик. В «El desterrado» («Изгнанник») Риваса монолог обуреваемого противоречивыми чувствами изгнанника построен по всем правилам красноречия: движение происходит от тезиса к антитезису, а потом – к синтезу, так что достигается примирение и логического, и эмоционального противоречия. Изменениями ритмической структуры четко отграничены друг от друга три смысловые части: «я никогда не смогу вернуться на мою разоренную, безвинно страдающую родину» - «я не хочу возвращаться в эту неблагодарную страну, которая своим нечестием заслуживает гибели» - «я вернусь и освобожу мою родину, несчастья которой происходят не от злонравия, но от простодушия ее народа».

Однако если язык отличается условностью, то ситуация, в которой оказывается лирическое «я», так или иначе конкретизирована (ведь она основана на подлинном, и зачастую очень болезненном, опыте!), «местоположение» этого «я» – кто, откуда и к кому обращается – ясно определено. Герой Риваса в «El desterrado» покидает родину на чужом корабле и обращается к ней со словами прощания. В «El sueño del proscrito» («Сне изгнанника») герой на берегах «холодной Темзы», окутанной «жутким туманом», с тоской вспоминает Андалусию. У Эспронседы изгнанник провожает глазами корабль, идущий из Англии в Испанию («La entrada del invierno en Londres», «Наступление зимы в Лондоне»), а в элегии «A la patria» («К родине») во всеуслышание обращается к покинутой родине, к товарищам по изгнанию и вообще ко всем свидетелям совершающейся несправедливости.

Художественный мир стихотворений обоих поэтов построен на противопоставлениях, на резком контрасте, и фигура изгнанника оказывается в центре этого мира, «распавшегося» на непримиримые оппозиции: славное прошлое Испании – ее мрачное настоящее; Испания как виновница своих несчастий – Испания как жертва; родина – чужбина; счастливое прошлое изгнанника – его смутное настоящее; жизнь на чужбине – смерть на родине; благополучная чужбина – страдающая родина.

В ситуации самоопределения между явно обозначенными противопоставлениями находится и лирический герой «On My Attempting English Verse» («При попытке сочинять стихи на английском языке») Бланко Уайта, хотя история его эмиграции была иной. В отличие от Риваса и Эспронседы, к моменту написания стихотворения

классицистическая поэтика была им давно оставлена и, что самое главное, в изгнании он находился добровольно. Отъезд по религиозным убеждениям в Англию, страну разумного государственного управления и религиозной терпимости, он переживает как глубоко личную драму, порожденную отторжением от родной страны и родного языка и вхождением в английскую культуру, хотя и высоко ценимую, но все же чужую. Забвение своего языка – обретение чужого, Испания любимая – Испания презираемая, Англия родная – Англия чужая, несчастное прошлое – смутное настоящее – надежда на счастливое будущее. Эти оппозиции «структурируют» художественное пространство стихотворения. Главная из них – антитеза жизни и смерти – находит парадоксальное разрешение в последних строках стихотворения. Умирая для одной культуры, изгнанник заново рождается в другой:

... Thus in the scale of life to rise,
A transient death endured the worm
And wakes endued with nobler form.

Таким образом, можно сказать, что антитезы могут быть заданы в терминах и классицистической риторики, и медитативного лирического монолога, обращенного на «ландшафт души» («el paisaje de su corazón» [Blanco White:15]), но именно попытка примирить эти противопоставления поэтическими средствами объединяет «изгнанническую» лирику. Композиция стихотворения «El desterrado» Риваса, построенная по принципу тезис – антитезис – синтез, или оригинальная метафора, завершающая «On My Attempting English Verse» Бланко Уайта, – это поэтические средства, служащие единой цели, – определить свое место в мире, потерявшем целостность.

Литература

Alborg J.L. Historia de la literatura española. T. IV El romanticismo. Madrid, 1992.

Blanco White. José M.. Obra poética completa. Madrid, 1994.

Lloréis V. Liberales y románticos. Una emigración española en Inglaterra (1823–1834). Valencia, 1979.